

фантастическая
история

МОСКВА, 2014

фантастическая
история

Дмитрий Старицкий
Фебцс.
Принц Вианы

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С77

Серия основана в 2010 году
Выпуск 90

Старицкий Д.
С77 **Фебус. Принц Вианы: Фантастический роман.** — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 311 с.: ил.—
(Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1709-4

Одиноким, старым, больным музейщиком должен был погибнуть в автокатастрофе, но оказался в теле молодого наваррского принца, преследуемого французским королем. Наварра — королевство небольшое, горное по большому счету, но стратегически очень важное. С одной стороны Франция. С другой — Испания. Свои бояре тоже не промах. И все хотят подмять Наварру под себя. И век вокруг пятнадцатый, Колумб еще в Америку не ходил. Герой наш теперь молодой, здоровый и красивый — прозвище Фебус («Аполлоноподобный») просто так не дают. Но один против всех. Даже родная мать плетет против него интриги.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1709-4

© Дмитрий Старицкий, 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

*Музе моей — Яне Борисовой, с любовью
посвящаю этот труд*

Глава 1 КТО Я?

Наверное, все видели знаменитый кадр кинооператора Сергея Урусевского в фильме «Летят журавли», когда красиво так крутятся кроны деревьев на фоне облачного неба. Так вот, кроны не крутились, вернее — перестали уже кружиться и тихо проплывали надо мной пробиваемой солнечными лучами нескончаемой зеленой аркой, под мерный топот копыт по мягкой земле и всхрапывающее отфыркивание лошадей. Впрочем, лошадей я не видел, только слышал. Их, и еще дятла, где-то выбивающего морзянку по дереву. Потом и остальные звуки летнего леса стали отчетливо слышны.

И запахи.

И это было странно.

Особой странностью для меня казалась яркая зрелая листва на деревьях. Зеленая.

Я лежу, и меня слегка мерно раскачивает, как на лодке. Лежу навзничь лицом кверху и потому вижу только яркое небо и солнечные лучи, пробивающиеся сквозь листву.

И остро пахнет конским потом.

А ведь так быть не должно.

Во-первых, сейчас зима. Точнее — март, конец зимы в наших широтах. И в нынешнем году март по снегопадам отдувается за весь сезон. В любом случае деревья должны быть голыми.

Во-вторых, я ехал в маршрутке рядом с водителем. СИДЯ!

Вот то что голова бинтами замотана, так это вроде как нормально. Маршрутка прямо перед нужной мне остановкой на брусчатом спуске хорошо так влетела под длинную цистерну седельного тягача, выворачивающего с бензозап-

равки фирмы «ПукОйл» — собственности местечкового олигарха Геннадия Пукина. Влетела со всей южной гастарбайтерской дури водятла, на полной скорости.

И сразу вокруг — стена огня...

А что потом — не помню...

До музея, где работаю хранителем, я так и не доехал. И будущая выставка средневекового оружия, которой руководство собиралось слегка поправить свои финансы, осталась без куратора.

Странное занятие в наше время для мужчины — работать в музее. Да? А куда деваться пятидесятипятилетнему кандидату исторических наук, у которого нет никакой способности к коммерции и который по возрасту никому из новых хозяев жизни не нужен. По определению. «Балласт», как обозвала меня жена, улетая к новым горизонтам через океан. Там ей дали грант и лабораторию в Канаде за то, что она вывела бактерии, которые жрут что попало, а гадят каким-то сверхчистым веществом. Нашему же государству сверхчистое вещество оказалось без надобности, как и собственная история. А за океаном своих историков — как собак нерезанных. На всех грантов не хватает. И дают их только тем, кто правильно понимает линию правящей партии.

Да и люблю я свое дело.

С женой уже пятилетку живем через океан. Общаемся через «Одноклассников» не совсем как чужие, но так — слегка знакомые. Двадцать пять лет брака как бы и не было. Если и были у нас какие чувства, то давно сплыли. Особенно после смерти сына.

Сын погиб в Чечне.

Посмотрел пацан на шибко ученых родителей, что годами мозги сушили, диссертации-дипломы защищали, деньги тратили на книжки, которые разве пара десятков людей читают, и на то, что это им в итоге это дало, да и подался после школы в ОМОН. Там сразу командировка в Чечню. В спокойное вроде бы время. Все войны за «наведение конституционного порядка» уже закончились. А вот поди ж ты...

Привезли нам кровиночку в тяжелом ящике, оббитом оцинкованным листом, даже поглядеть на него в остатний

раз не дали. Разве что похоронили по-человечески. С воинскими почестями, как павшему бойцу и положено...

Думанья мои прервал повелительный гортанный окрик. Все вокруг остановилось.

Меня сняли с носилок, что были закреплены между двумя огромными лошадьми, и опустили на траву, покрытую только коричневым шерстяным плащом. Второй такой же под голову свернули. А лошадок увели.

Кто-то сразу фляжку к губам поднес. Кожаную такую, в форме мошонки¹. Даже не фляга это, а маленький бурдюк. Приподняли и дали попить из горла. Оказалась вода, подкисленная либо уксусом, либо плохим вином.

Окружили меня бородатые, откровенно бандитские рожи. По-другому и не скажешь. Особенно этот с флягой в руке, у которого кожаная повязка на левой глазнице. Просто пиратский капитан Воробей. Только видок brutальной.

— Феб, ты как, живой? — спрашивает он, скаля крепкие белые зубы.

Меня, кажется, спрашивает.

Язык по звучанию не русский, совсем не похож на европейские языки, которые я знаю, но я его как-то понял. Но решил пока не отвечать: вдруг ошибся я в чем или разобрал что не так. Лучше я пока «овощем» прикинусь. Огляжусь тут по-тихому. Глядишь, непонятки сами собой и рассосутся.

Не бывает в бреду таких запахов...

Вторая бородатая рожа в клоунском бархатном берете с длинным пером павлина застила мне небо.

— Сир, если вы нас видите, то хоть моргните нам, — сказал он вежливо и слегка манерно.

Я моргнул. Мне не жалко.

Неожиданный громкий крик радости нескольких десятков глоток моментально распугал всех птиц в округе.

— Как только лошади отдохнут, мы сразу найдем тебе лекаря, — пообещал тот разбойник, что с повязкой на глазу. — Кони сильно устали. Все же больше пяти лиг от Плесси-ле-Тура отмахали на всем скаку без остановки. Зато, Феб, оторвались мы от них. Теперь все будет хорошо. Не достанет нас уже Паук.

¹ Значение слов, отмеченных знаком *, смотрите в Глоссарии в конце книги.

«Все будет хорошо», — повторил я про себя, сомкнул веки и неожиданно для себя заснул. Отрубился. По-другому не скажешь.

Никуда дальше меня не повезли, хотя и обещали. Проспал я оставшийся день и проснулся, когда в сгущающихся сумерках бандиты уже вовсю костры палили с искрами до неба и дух вкусный от котелков по поляне пополз. Желудок заставил меня вернуться в этот мир иной.

Не мой мир.

Совсем не мой.

Все вокруг какое-то не мое.

Все эти люди, что сейчас кучкуются вокруг меня, совсем не похожи на расплодившихся у нас в последнее время реконструкторов-любителей. Тем более на толкнутых.

А железячников* я богато видел. Особенно на их попытках получить от меня халявную консультацию по доспехам и холодному оружию. И на фестивали свои они меня часто зывали водочки попить. В жюри по аутентичности исторического костюма и оружия посидеть. Так вот, у каждого реконструктора с собой хоть что-то современного, да есть. Сигареты там, мобильник, флешка на шее, обувь, наконец. В лесу они современную обувь предпочитают исторической. Просто потому, что в ней удобнее.

От этих же мощно прет неподдельной аутентичностью. Особенно по запаху.

Запаху... Точнее уж — вонизму.

Вот от котлов на кострах тянет родным таким запашком каши с копченостями. А от людей — нет. Не по-нашему от них воняет. Нет даже следов употребления ими какого-либо парфюма. Так пахло, помню, от механизатора в колхозе, который в страду с поля полторы недели не выбирался. И то там солярный выхлоп все перебивал.

Запах варева заставил урчать живот. Так жрать в своей жизни я хотел только в армии. Точнее, в военно-морском флоте. Хотя какой там флот — ремзавод на Белом море в богом забытом городишке. Днища кораблей отчищали от всякой нарощей на них дряни — вот и вся служба. Страшная эта воинская часть была для срочника. Работа каторжная по

десять часов, от которой гражданские даже за большие деньги отказывались. Выходной один — воскресенье. Праздник. Обязательно — спортивный. Уставщина пополам с дедовщиной, отполированные уркаганскими понятиями. Половина личного состава приходила служить прямо из колоний малолеток готовыми правильными пацанами. Но все же при маршале Брежневе нас и одевали тепло, и кормили хорошо, только давали мало. А до двойной порции я всего полтора сантиметра ростом не дотянул. Даже в этом я неудачник по жизни оказался.

А тут поди разбери вот так навскидку...

Кто меня везет?

Куда меня везут?

Откуда меня везут?

И главное — зачем?

Люди мельтешили в отдалении между костров, о чем-то радостно переговариваясь. Прикладывались к бурдюкам. Видно было, что они вполне довольны как собой, так и окружающей их обстановкой.

Мимо меня пробежал худощавый, но широкоплечий парнишка с охапкой хвороста в руках. Лет шестнадцати. Голубоглазый. Безбородый и безусый. Одет в длинную рубаху почти до колен и узкие штаны чуть ниже колена со шнуровкой по бокам. Беспорочные боты из кожи и обмотки до середины голени. На голове суконный бургундский колпак — шаперон, типа башлыка со свисающим на спину длинным концом, переходящим в оплечье примерно до середины груди, с завязками на шее. Красного цвета. Пояс широкий, толстой кожи. На поясе висит солидный такой тесак-свинокол сантиметров сорока в потертых ножнах. Рядом тощий кошелек-мошонка болтается на завязках. И какие-то крючки еще бронзовые на поясе.

— Стой, — сказал ему.

Вышло хрипло и тихо.

Однако парень тут же присел рядом на колени и, склонив голову, произнес:

— Слушаю, сир.

— Ты кто?

— Как кто? — удивился неподдельно, скосив белесые глаза к носу.

— Имя у тебя есть? — продолжил я допрос.

— Микал, — отозвался тот и пояснил: — Ваш раб, сир.

Раб?

Мой?

Офигеть; дайте два.

— Зеркало есть? — потребовал у парня.

Раз так охотно слушаются, то надо требовать, а не попрошайничать. Ибо нефиг.

— Нет, сир. Откуда у меня такая роскошь?

По его глазам видно, что было бы у него зеркало — точно бы отдал, но нет у него зеркала, вот обида-то.

Мысленно постучал себя кулаком по лбу. Откуда у раба зеркало? Но нужно оно мне срочно. Причем не просто срочно, а СРОЧНО!!! Любая стекляшка сойдет с отражающими свойствами, пока солнце совсем не зашло.

Приказал:

— Быстро нашел зеркало. Где хочешь.

И добавил тоном ротного старшины:

— Мухой метнулся.

Парень исчез, как будто его волшебной палочкой в темечко ткнули.

Вместо Микала торопливо пришел ко мне прежний одноглазый бандюган и еще двое крепких мужиков в беретках с перьями. У одного — павлиньими, три штуки целых. У другого пышное перо страуса, но одно.

Одноглазый держал факел. Судя по яркому пламени, это был заранее заготовленный предмет, а не импровизация из первой попавшейся под руку ветки.

Пернатые с двух сторон подхватили меня под руки и, не проронив ни слова, усадили с опорой лопатками на ствол дерева, под которым я лежал.

Тот, что страусячий поклонник, вынул из поясной сумки некий предмет и подал его мне в руки.

Действительно зеркало. Сантиметров двадцать в диаметре. Серебро полированное. Даже ногтем постучал по нему, проверяя. А рукоятка и оклад — из слоновой кости с богатой и тонкой резьбой. На глухой стороне вещицы целая миниа-

тюра вырезана весьма искусно и с мелкими подробностями. Один всадник другого булавой охреничивает со всей дури. А по ободу и рукояти мирные виноградные лозы плетутся.

Музейная вещица. Спрятать ее в запасник и никому не показывать. Современный музей — это кладбище культуры. Экспонируются не более трех процентов от всего фонда хранения. Никто остальных вещей не видит, кроме музейных хранителей, а это значит, что их просто вывели из культурного оборота общества. Картины великих художников так просто рулонами на палку наматывают, как линолеум на строительном рынке. Вот так вот: эстетическую жизнь людей сделали бедной на девяносто семь процентов. А тут — гляди, просто так пользуются.

Одноглазый приблизил факел.

Жестом я показал ему, чтобы он держал его так, дабы осветить мне лицо.

Потом посмотрел в зеркало.

А из зеркала на себя я не посмотрел.

Не я это отразился в полированном серебре.

Совсем не я.

А кто я?

И что я хотел там увидеть?

Мать Терезу?

Брюса Виллиса?

Леньку ди Каприо?

Вообще-то в глубине души надеялся на отражение одного лысого старпера из музейного подвала со шкиперской бородкой без усов. Привык к нему я как-то за полвека.

А из зеркала на меня с неподдельным любопытством смотрел пацанчик лет пятнадцати с умными светло-карими глазами, овальным лицом с детской еще припухлостью щек и твердым волевым подбородком. Скулы высокие, но неявно выраженные. Нос прямой, некрупный и длины умеренной. И — с ума сдрызнуться — пухлыми, красиво очерченными чувственными губами. Обрамляла все это спутанная копна золотистых волос до плеч, сверху прихваченная окровавленной тряпкой.

М-дя...

Внешность у парня — девки млеют и сами в штабеля укладываются.

— Убедился, что все еще красавчик? — задорно засмеялся одноглазый.

Остальные его охотно поддержали.

Я тоже широко улыбнулся, но совсем по другому поводу. Как фонтаном в душе взыграло: бинго!!! Я наконец-то угадал, под каким наперстком шарик! Если и начинать новую жизнь черт-те где, то лучше всего — с бонусом молодости. Все равно в прошлой жизни обо мне плакать некому. И вообще... лучше быть молодым, здоровым и богатым, чем старым, бедным и больным. Это все на Руси знают.

Только вот кто я? Это вопрос. Новое тело, которым я управляю, об этом хранит упорное молчание. Никаких намеков даже.

Что такое «Феб»?

Имя?

Фамилия?

Титул?

Должность?

Разбойничья кличка?

Непонятно совсем, а спрашивать окружающих я пока опасался. Мало ли что тут крутится в «тайнах мадридского двора». Узнают эти морды разбойничьи, что ничего не помню, да и сунут стилет* под ребро. И скажут, что так и было. По голове мальчонке досталось, вот он на стилет сам и упал. И так семь раз. Жалко птичку. Но мы отомстим!

Или того хуже — примут за бесноватого и сожгут на костре. Кому докажешь, что в знакомого им парня вселился совсем другой человек, а вовсе не бес.

Молча отдал драгоценное зеркало этим жеребцам стоялым. Молодые они. Вся жизненная сила в ржач уходит за именем других приложений.

А на пальце-то у меня хитрая такая печатка золотая с плоским красным камнем — как бы не рубин даже, на котором выгравирована печать. Для воска там или сургуча.

Ужинали по-походному жидким кулешом с дымком. Мне от общего костра отдельную пайку принесли в плоском медном котелке, снабдив куском серого хлеба и медной же

ложкой. Поклонились, пожелав приятного аппетита, и ушли. Странные, не знакомые мне рожи, но ведут себя так, будто знают меня с рождения.

Естественно, никуда мы не поехали на ночь глядя, вопреки обещаниям одноглазого бандита. И это правильно — нечего глаза ветками колотить во тьме. По идее тело моего реципиента должно в седле сидеть хорошо (шпоры у меня на сапогах на что?), но не факт, что это умение осталось у него в связи с вселением в него моей души. А так — принимают меня тут за кого-то конкретного, а я и имени-то его не знаю, не говоря о большем. Так что поиграем еще некоторое время в больного на всю голову. Глядишь, сами проговорятся. Тем более что от резких движений голова кружится и после еды слегка подташнивает.

От были б м6зги — было бы сотрясение.

Рядом поставили небольшой, но высокий шатер. Шелковый, тудыть его в кочерыжку. Персонально для меня, как сказали. Красиво жить не запретишь.

Остальные все укладываются спать прямо на землю. На пополах, седло под голову, прямо аки князь Святослав.

И никто не курит. Знать, Америку еще не открыли или религия не позволяет.

Около шатра на свежем воздухе устроили для меня опять же вполне приличное лежбище из козьих и бараньих шкур, на которое по мере его готовности меня же и перенесли, даже не спрашивая моего мнения. Но стало удобней и не так влажно, как от сырой земли, покрытой только тонкой шерстяной тканью.

«Ну что: осмотрелся, додик долбанутенький? Делай выводы», — приказал я себе.

Вывод первый по косвенным признакам можно уже делать. Судя по тому как со мной носятся, я тут не гроб поваленный, а вовсе даже писаная торба. А хорошо это или плохо, я даже не подозреваю. По крайней мере, стало ясно, что вреда мне причинять эти разбойники не хотят и вроде даже собираются при опасности меня от нее защищать.

Вывод второй: по одежде, оружию и аксессуарам на дворе стоит голимое Средневековье. Это я как музейщик автори-

тетно заявляю. Век пятнадцатый от рождества Христова плюс-минус лапоть. На пороге Ренессанса.

Вывод третий: обращение «сир»* ко мне от окружающих говорит о том, что среди них я лицо владетельное — «государь». Как минимум баннерет*, потому как золотые шпоры бакалавров* в моем нынешнем окружении встречаются. И на мне самом короткие золотые шпоры без колесика, красуются на длинных замшевых ботфортах, мешая принять удобную позу без потери ее красоты.

Махнул рукой проходившему мимо воину с мечом на поясе.

Тут же подошел, ни секунды не помедлил, но на колени не встал. Только голову склонил.

Ага... И на этом золотые шпоры. Рыцарь, значит. На колени ему неместно. Как тут обращаются к рыцарю-то... вспоминай, труп хладный, отягощенный моей душонкой.

— Кабальеро*, позови ко мне Микала, раба. — А голос-то у меня еще хриплый.

— Сей час, сир, — ответил рыцарь с новым поклоном и пошел к кострам.

Быстро я, однако, вживаюсь в «государя». Целого рыцаря построил и погнал на посылку. И что самое удивительное — он пошел. Сам пошел, а не поймал кого-то, чтобы команду передать с ускорением.

Да кто же я такой, в самом деле?

Прибежал Микал. Встал рядом с моей лежанкой на колени:

— Слушаю, сир.

— Где мое оружие? — Вот не желаю я безоружным оставаться среди таких бандитских рож.

— У вашего эскудеро*, сир.

Эскудеро? Эскудо — это щит; и еще, помню, монета такая была. Эскудеро, скорее всего, то же самое, что в Англии эсквайр*, только на Пиренеях. Щитоносец, значит. Или как нам привычнее — оруженосец*. Хотя это не совсем адекватно. Щитоносец — это не тот, кто за рыцарем таскает щит, а тот, который имеет право на щите носить свой дворянский герб, а до рыцаря не дорос.

— Как зовут эскудеро?

— Филипп, сир. Дамуазо* Филипп де Фларамбель. Он

гаск* из кондадо* Фезансак. Приготовляется к принятию сана кабальеро.

— Зови его. Вместе с моим оружием.

Убежал пацанчик куда-то влево от костров, смешно подбрасывая голени.

Тем временем совсем стемнело. Луна еще не взошла. Только костры ярко выделялись на поляне. И на их фоне люди казались плоскими, как бы вырезанными из фотобумаги черными фигурами. Но ходили они мало. В основном сидели вокруг костров и занимались каким-то рукоделием. Мне отсюда подробно не видно. Предусмотрительно положили меня в сторонку, чтобы никому не мешал. Усмехнулся: выражение «подальше от начальства — поближе к кухне» не в наш век родилось. А я вроде как за начальство здесь, несмотря на возраст этого тела.

Не прошло и пяти минут, как Микал привел с собой другого юношу одного с ним роста, но более узкого по фигуре. Брюнета. Кареглазого. Без растительности на лице. С волосами до плеч. В традиционном берете. Для разнообразия — без перьев.

Микал встал на колени. А вот его спутник рядом опустил только на одно колено. Но оба одинаково склонили головы. Надо отметить, что выдрессировали их неплохо тут.

— Филипп, — спросил я, — ты принес мое оружие?

— Да, сир. — Голос звонкий, прямо хоть сейчас в ансамбль Локтева забирай солистом.

Он положил рядом со мной меч и кинжал.

— Микал.

— Слушаю, сир, — откликнулся раб.

— Стало темно. Принеси факел.

— Сию минуту, сир.

Пока Микал бегал за источником света я, не вынимая из ножен, ощупал кинжал.

Через мои руки музейщика за долгие годы прошло много всяких пырятельных железок самых разных стран и народов. Не надо кивать на то, что в губернских городах все музеи, считай, краеведческие. Это вы по экспозиции судите. Напомнить вам, что в экспозиции всего три процента экспонатов? И часто не самые интересные. А я и в питерском Эрми-

таже стажировался три раза именно по военным железкам. И в Музее народов Востока в Москве. А уж в фондах Исторического, что в столице на Красной площади, такое было раздолье, когда его экспозиция была полностью на несколько лет закрыта в Перестройку, какого больше, наверное, никогда не будет. И на угаре интереса Запада к Горби обломился мне по случаю целый месяц в фондах музея Ключни покопаться за счет принимающей стороны. А уж там экспозиция... Целый замок, и все по французскому Средневековью.

Жена потом несколько лет пилила меня циркуляркой, что не смог я там зацепиться. И что даже в Париже по магазинам не ходил как положено порядочному мужу и нормальному советскому человеку. А мне интересней было в подвалах старинного замка перебирать руками штабеля мечей, шпаг, даг* и кинжалов. Сравнить их, слушая пояснения старого музейного волка, который в этих подвалах сорок лет прожил и наконец-то дорвался до ушей такого же маньяка, как он сам.

Так вот, на ощупь у меня в руках было не орудие убийства, а парадная поделка — пыль в глаза пускать. Пусть даже имеющая художественную ценность, на которую не пожалели драгоценного металла. Понторезная штучка. С гладкими скользкими щечками рукояти и вычурной гардой. Сказать, что я огорчился, это ничего не сказать.

Пришел Микал с факелом, и мне стало хорошо видно то, что я держал в руках. Плохие ощущения только усилились. Хорошо кованого, литого и резаного золота было больше, чем того требовалось для хорошего оружия. Щечки рукояти были из полированной слоновой кости. Скользкой по определению. А уж количество плохо ошлифованных кабошонов* из драгоценных камней просто зашкаливало за здравый смысл. Больше всего было гранатов: они просто рассыпями окружали крупные рубины.

Но все изменилось, стоило мне обнажить клинок. Гладкое, зеркально отполированное светлое лезвие. Больше всего это походило на изделия златоустовских мастеров девятнадцатого века. Но такого просто не могло быть, судя по антуражу моего окружения. Очень острое. Формой напоминает офицерский кортик советских времен, но шире и

длиннее. Мастера, мать их ити; руки вырвать мало. Испортили такой прекрасный рабочий клинок в угоду показной роскоши.

— Толедо*? Золинген*? — отрывисто спросил я Филиппа, постукивая пальцем по лезвию, на котором не увидел никаких клейм.

— Нет, сир, — ответил вроде как мой оруженосец, — клинок ковали в горах басков, в Алаве*, а вот рукоять и ножны сработали уже в цеху златокузнецов города Тура, пока вы там гостили у вашего дяди. Ювелиры там — близ резиденции владетеля франков, искусней, чем наши.

Вот и все, что можно сказать о кинжале.

А вот осмотр шпаги меня порадовал. Точнее, не шпаги еще, а узкого меча ромбического сечения, предназначенного с силой втыкать его в сочленения сплошных рыцарских доспехов. Но и фехтовать таким клинком уже возможно, а не только рубить и пырять. А это значит, что фехтовальные школы — итальянская ли, или испанская, или какие вообще тут будут — уже на подходе. В исторических рамках, конечно. Гарда была уже классически шпажная с чашкой на крестовине и защитными дугами для кисти — мечта д'Артаньяна с Портосом. Прекрасный «меч для камзола».

Украшение эфеса меня отдельно порадовало. Я подобное видел в Московском историческом музее. Техника «стальных бриллиантов» называется. Как раз в одно из моих посещений столицы реставратор Евгений Буратов восстанавливал похожее изделие тульских мастеров времен царя Федора Третьего, старшего сводного брата Петра Великого. И красиво до чертиков — вон как играют грани в мечущемся свете факела, — и боевому применению не мешает.

— Молодец, Филипп, — похвалил я паренька. — Оружие хорошо тобой ухожено. Оставь мне кинжал, а шпагу пока прибери.

— Это эспада*, сир, — поправил меня паренек.

— Иди, отдыхай. — Я отдал ему шпагу.

Польщенный парень, поклонившись мне со шпагой в обеих руках, развернулся и шустро побежал к кострам. С охотой так побежал. Радует, стервец, что не припахали внеурочно.

Микал все это время так и стоял рядом на коленях.

— У тебя есть неотложные дела? — спросил я его с намерением отпустить.

Парень с готовностью ответил:

— Сир, единственное мое неотложное дело — это служить вам. Все остальное может подождать. — И смотрит преданно прямо в глаза.

Умный мальчик. Далеко пойдет, если милиция не остановит. Хорошо это или плохо для моих целей, что парень такой сообразительный? А вот не угадать. Иной раз дурака проще втемную использовать.

Но все равно делать что-то надо. Время-то неотвратимо тикает. На косвенных признаках я ситуацию уже исследовал и выжал досуха, но все равно информации для принятия каких-либо решений мне жутко не хватает. А ваньку валять долго я не продержусь. Буду дурковать, как Доцент из кинофильма: «...тут помню, а тут не помню», — пока не спалюсь по-крупному. Вот тогда не факт, что смерть под взорвавшимся бензовозом будет для меня тяжелей. А умирать не хочется ни разу. Тем более что один раз я уже умер. Остается только одно — вживаться в этот мир, каким бы он ни был. И стать тем, у кого я отнял это прекрасное юное тело.

Признаваться, что «государь» ни черта не помнит, кому-то из местной золотошпорной знати чревато по определению — те ребята хваткие, сразу в свои интриги такое знание вплетут, не побрезгуют. Да еще дезы мне самому подкинут сто пудов в своих побуждениях, и ладно бы только в корыстных. Деньги потерять в этом разрезе — не самое страшное.

— Читать, писать умеешь? — продолжил я расспрос парня.

Так, навскидку спросил, для проформы, хотя положительного ответа от него совсем не ожидал. Не те времена.

— Умею, сир, — неожиданно заявил парень. — Меня замковый капеллан* научил, когда я мальчишкой при капелле* состоял.

— Мальчишкой — это сколько?

— Пять лет уже как. Даже больше.

— А сколько тебе сейчас?

— Почти семнадцать лет, сир.

— Взрослый уже, — констатировал я этот факт, чтобы хоть что-то сказать, не молчать истуканом.

Парень кивнул, соглашаясь со мной. Действительно взрослый. В эти века в четырнадцать лет уже воевать ходят. И никто в рукопашной на поле боя скидок на возраст не дает.

— Язык какой знаешь письменно или только латынь?

— Не только латынь, сир. Еще васконский.

Это что еще за диво — васконский язык? Васконский язык бывает, по логике, у народа васконов. Или васков. Los vascos. Это может даже — басков? Но это как раз легко узнается далее по косвенным признакам. Не горит особо. Есть более насущные задачи, которые решать надо здесь и теперь. Незамедлительно. Я и так целый день тут дурака валяю, когда на самом деле по лезвию бритвы хожу. Такая вот практика теории относительности.

Интересно, а на каком языке мы сейчас с ним тут трындим? У меня полное ощущение закадрового перевода, когда голос актера и голос диктора сливаются и кажется, что по-русски говорит с экрана голос иностранного актера. Такие вот выверты сознания.

А парень тем временем, продолжая «дозволенные речи», вываливал на меня свое резюме.

— А говорю я на франсийском*, окситанском*, кастильском* и варяжском* языках. Еще на языке дойчей* и мурманов* могу объясниться. Меня покойный капеллан хотел по духовной части определить, но майордом* запретил. Добрым был ко мне покойный падре*.

Ага, васконский язык не назвал: знать, именно на нем сейчас и треплемся. И получается у меня это естественно, как дышать. Чудеса в решете. «Доктор, а я после вашего лечения смогу играть на скрипке? — Сможете. — Вот здорово, а раньше не мог».

— Принеси-ка подогретого вина. А то так голос ссадим, не заметим, — подмигнул я ему.

Парень моментом подорвался и убежал к кострам.

А я не на шутку заскрипел извилинами. Воспитанник падре, однако. Вот только невинной жертвы священника-педофила мне и не хватает до полного счастья в ближнем

окружении. Потому и отослал парня, что такую информацию мне срочно надо переварить наедине. В моем времени педофильские скандалы с католическими пасторами возникли с периодичностью почтового поезда. И очень смачно обсасывались всеми средствами массовой информации. Вплоть до того, что самого папу римского каяться заставляли. Зачем — понятно. При легализации гомосексуализма и полной толерастии во всем остальном, кроме педофилов, у демократов совсем не осталось «врагов народа».

Известный всем педик в традиционном христианском обществе — содомит и изгой, а тайный — вкусный объект для шантажа. К примеру, в Англии, шантажируя оглаской, наша разведка заставила работать на СССР аристократическую «кембриджскую пятерку». Это в середине двадцатого века. А вот в начале третьего тысячелетия такое уже по определению невозможно — в Англии содомией публично гордятся.

А вот как ТУТ к содомитам относятся, я пока не знаю. Может быть, и толерастно до радужности. До гей-парадов на Масленичный карнавал.

Представил себе лав-парад геев-флягелянтов* и усмехнулся такой картинке.

А с другой стороны, резон еще в том, что других подходящих кандидатур вокруг что-то не наблюдается. К тому же грамотных. Не те века. Не помню, чтобы их было много, помимо жеребьячьего сословия*.

Все же как это трудно решиться кому-то довериться, тем более в незнакомой обстановке. Да что там незнакомой — фантастической! К тому же, один раз уже погибнув, очень не хочется повтора. И надо честно признаться себе в том, что «Штирлиц как никогда был близок к провалу». Дальше вопросы у меня пойдут такие, что у парня, кроме недоумения, ничего вызвать не смогут. А это опасно тем, что...

Повторяться не хочу — смотри выше.

К тому же, как ни крути, а кроме этого парня, у меня в обозримом пространстве другой подходящей кандидатуры нет. Что может быть лучше кандидатуры раба в таком случае? Кто был ничем — тот станет всем.

Одноглазый, который почему-то слишком фамильярен с

«государем», отпадает сразу. Да и не нравится мне его бандитская рожа. Рыцари тоже отпадают по определению. В вопросах чести у них в зад у вода не держится. И как они воспримут мои предложения? Вот хрен мне угадать навскидку местный этос*.

А остальные кто тут?

Чьи это люди?

Мои, как «государя»? Или из рыцарских копий* пахолики*? Тогда вассалы* моих вассалов — ни разу не мои вассалы.

Микал примчался обратно не один, а с двумя такими же парнями в неброской одежде. Головных уборов на них не было, и мне стало видно в неровном свете факела, что эти молодые люди, в отличие от рыцарей и пажей, очень коротко стрижены.

В руках всех троих была поклажа.

Рядом с моим лежбищем они споро расстелили холщовую скатерть, поставили на нее несколько оловянных тарелок с нарезкой из мяса, хлеба и сыра. Серебряную солонку с откидной крышкой и пучок перьев зеленого лука. Микал в руках держал исходящий паром котелок и пару небольших оловянных кубков на низких ножках.

Закончив сервировку, они все встали на колени, склонив головы. Тут я заметил на шеях этих парней ошейники, но не как собачьи, а из тонкой замши. Не натирающие кожу. «Да они же рабы», — смекнул престарелый кандидат исторических наук в теле молодого феодала.

А вот Микал носит свой башлык завязанным, и шеи его не видать. Не хочет, наверное, чтобы сторонние видели его рабский ошейник? Стесняется? К тому же у этих парней нет никакого оружия, а у Микала вон какой здоровый тесак на поясе. А ведь он тоже раб. Сам в этом сознался. Без пол-литры и не разобраться мне в местных общественных связях. А надо.

Я разрешающе махнул рукой. Нет, не так; совсем не так — я милостиво помавал дланью, и парни убежали. А Микал остался, все так же стоя на коленях.

— Ну что tormozisch? Наливай, — приказал я ему и понял, что слово «тормозишь» произнес по-русски.

Вот так и палятся шпионы и попаданцы.

Однако Микал не стал переспрашивать и разлил горячее вино по кубкам.

Вино было так себе, как из сетевого супермаркета. А для нормального глинтвейна в нем остро не хватало специй и сахара. Однако что-то типа меда во вкусе ощущалось. По крайней мере, винную кислинку перебивало, но не более. Что уж теперь привередничать — горячее сырым не бывает.

Мясо оказалось классическим хамоном каменной твердости. Козий сыр — наоборот, мягким, типа бри. А хлеб — пресный лаваш, уже успевший слегка подсохнуть. Так что и лучок с сольцой пошел в кассу. Похрустеть.

Особо порадовался я за себя, ощутив во рту вместо привычного пластмассового «социального» протеза здоровые молодые зубы, способные гвоздь перекусить. Как оно, оказывается, наслаждается по ощущениям — рвать зубами твердое мясо, а не рассасывать его.

О! Да мне же теперь и «виагра» не нужна! Это гут. Это мы всегда, хоть компьютер с порнушкой остался в далеком прошлом-будущем. Но надеюсь, этому телу, для того чтобы возбудиться, порнуха без надобности вовсе. Потом проверим. Все проверим. Главное — выжить.

Пока я насыщался, Микал пил маленькими глотками вино, не притрагиваясь к еде. Возьмем на заметку такое его поведение: делает только то, что заранее разрешено: сказал я обоим промочить горло — и он пьет. А вот насчет закуски он распорядился самостоятельно: наверное, хочет парень кушать и надеется на господские остатки. Что ж, все съесть не буду. Не расстраивать же потенциального союзника.

— Остальное можешь съесть, если хочешь. — Я снова неопределенно помавал дланью над «дастарханом».

— Благодарю, сир, — торопливо пролепетал Микал и так же торопливо принялся за еду, не забывая искоса оглядываться на костры, словно кто-то мог оттуда прийти и отнять у него эти деликатесы.

Впрочем, это они в двадцать первом веке — дорогие деликатесы, а сейчас вроде как самая обыкновенная еда для дорогой дороги.

Когда юноша насытился, я попросил:

— Расскажи о себе.

Удивился пацанчик, очень удивился. Это у него на рожице было написано несмываемыми письменами охреневшей мимики.

— Что вы хотите услышать, сир?

От ешкин кот; он мною еще манипулировать пытается. Или все проще — боится чего-то?

— С самого начала и расскажи. Ты же не васкон? Так откуда ты?

— Варяг я, сир. С южного берега Варяжского моря*.

У-у-у... Как тут все запущено. Какие-такие, йок макарек, в пятнадцатом веке варяги? Или мне пора снести в сортир свой кандидатский диплом по истории, или тут сама история совсем иная, чем у нас была. А это уже хуже. Много хуже. Никакого послезнания в качестве вундервафли у меня в таком разрезе нет. И не будет. От черт, придется жить простым феодальным бытом, не зная будущего. Как все люди. Никаких преимуществ. Одни минусы. Хотя минус на минус дает плюс.

Первый минус — это полное отсутствие памяти носителя моего тела до моего вселения в него. Полтора десятилетия так навскидку. А второй минус придется еще поискать. Вот так и крутил я эту мысль, слушая парня вполуха.

— С какого конкретно ты места?

— С южной Ютландии, сир.

— Разве там не дойчи живут?

— Нет, сир, дойчи гораздо южнее находятся. Севернее нас даны*, а мы — варяги, нас еще ютами* дразнят. На запад остатки англян, что на остров не перебрались. На восток — шверинцы. На юг — алеманы*. А вот за ними — дойчи.

— Ofiget; dajte dva, — вырвалось у меня по-русски.

— Schto dva? — переспросил меня парень на том же языке. — Schto vam podat?

— Ты и русский язык знаешь? — вопрошаю из осторожности по-васконски.

— Русы когда-то были частью ютов, но давным-давно ушли на восток. Лет с пятьсот так, точнее я не помню, — и добавил: — Stariky bajaly, chto uvel ich konung morja Rurick v tzarstvo testia svoego.

Рано еще мне так раскрываться. Рано. А мальчишке за

зондаж — пять с плюсом. И я перевел беседу снова на васконский язык:

— А в рабство как попал? Я понял так, что родился ты свободным.

— Да ваши вассальные мурманы* из Биаррица, сир, и напали. Кого пбили, кого похватали. Так я на их ladie и оказался. — Слово «ладья» он опять сказал по-русски. — Это был их последний поход за женщинами.

— За женщинами?

— Да, сир, им же запрещено жениться на местных...

Вот стервец. Пороть мало. Но чувствуется школа. Ох непрост был капеллан в моем замке, ох непрост.

— А потом — в Биаррице — они меня определили в монаршую квинту* — долю в добыче. Отвезли в замок, там постригли и приставили в капелле прислугой за все. Крестили по-местному. А как вырос, майордом определил кнехтом* в конные арбалетчики, хотя капеллан очень уговаривал принять сан.

— Почему не принял? Быть идиотом* тебе не грозило...

— Даже если перестать брить тонзуру*, сир, то веревочный пояс затягивает чресла на всю жизнь, — ответил парень довольно жестко, но в пределах вежливости.

Философ, однако; в такие-то годы.

— Баб любишь больше вина? — спросил в лоб.

— И это тоже, сир, — не стал он запираяться.

Вот так вот. Если приближать такого, то постоянно придется тюкать по темечку — предупреждая об опасности «медовой ловушки». Но в это время до такого могли и не додуматься. Хотя уже в Библии такое руководство есть. Глава про Эсфирь, которую руководители еврейской общины подложили под персидского царя с целью свалить первого министра... Но этот, слава богу, бабник, не жертва священника-педофила.

— А здесь ты кто?

— Как кто? Ваша охрана. Вы же сами распорядились оставить кнехтов в лесу западнее Плесси-ле-Тура на всякий крайний случай с запасными лошадьми. Вот мы и пригодились.

Теперь лови, парень, разрыв шаблона.

— Хочешь быть свободным?

И вот тут уже он меня удивил, порвав все мои шаблоны.

— Нет, сир. На свободе я умру от голода. Или подамся в разбойники, и меня повесят. Лучше буду у вас в кнехтах. По сравнению со свободными простецами кнехт в войске конде* — большой господин. Хоть и раб.

И тут я решился. Была не была. Все одно пора действовать. Завтра уже может быть поздно.

— Ты тайны хранить умеешь?

Паренек спокойно и с достоинством ответил:

— Да, сир.

— И какие тайны ты хранишь?

— Если я вам о них сейчас поведаю, сир, то они перестанут быть тайнами, и окажется, что я их не умею хранить.

Вот так вот. Bravo! Раб! В лицо «государю»! Ой, мама, роди меня обратно. Куда я попал?

— Хорошо. Тогда скажи: стоит ли мне доверить тебе свою тайну? Страшную тайну, которая тебя может как возвысить, так и погубить.

Микал промолчал. А я его в этом еще и простимулировал.

— Не торопись отвечать. Все взвесь сначала. Ты же умный мальчик. Могу гарантировать только одно: если решишь все оставить как есть, то для тебя все и останется, как и было. В противном же случае в твоей судьбе произойдут большие перемены. Замени факел, за это время все и обдумаешь.

Микал ушел, и я снова остался в одиночестве. Черт возьми, это — попадалово. Читал книжки про такое, примерял на себя, естественно, но в моих думках все проходило в той истории, которую я хорошо знал. А вот теперь как выгребать? «Ничто не выдавало в Штирлице русского разведчика, кроме буденовки и волочащегося за ним парашюта».

Вернулся Микал. Один. Принес с собой три готовых к запалке факела.

Заменял прогоревший факел на новый. Его лицо при этом хорошо осветилось. Это гут.

Потом он встал на колени и сказал, глядя мне прямо в глаза:

— Располагайте мной, сир, так, как посчитаете нужным. Я готов принять вашу тайну и хранить ее ото всех. Не выдать ее даже под пытками.

Глаз не отводит. Это хороший признак.

— Под пытками, говоришь? — усомнился я. — пытки тоже разные бывают. Видел я людей, которых не сломила невыносимая боль, но ломала угроза потери бессмертной души.

Боже, что за хрень я несу...

— Я ваш, сир, душой и телом. Иисус Христос тому поручкой и Отец Дружин*.

Он торопливо перекрестился.

— Мало, — сказал я. — Волосом* поклянись, что он лишит тебя мужской силы в случае твоего предательства.

В глазах мальчишки мелькнул даже не страх, а ужас.

— Откуда вам такое известно, сир? — даже не сказал, а торопливо выдохнул он.

— Для начала условимся, что вопросы здесь задаю я. Ну так как?

— И Волосом клянусь я, что буду верен вам и телом и душой, что жизнь моя и смерть моя принадлежат вам, сир.

— Теперь верю, — констатировал я ситуацию. — Посоветуй, кем тебя назначить, чтобы ты всегда был при моей персоне, а не в чьем-то копье. И главное, чтобы это назначение не вызвало ничьей зависти.

— Вашей ступенькой, сир.

— Кем?

— Ступенькой, на которую вы будете опирать ногу, когда будете садиться в седло. Неужели вы такого не помните?

— В том-то и состоит моя тайна, что я ничего не помню до сегодняшнего дня. Совсем ничего. Даже того, кто я. Теперь тебе понятно, какой страшной силой обладает эта тайна?

— Да, сир. — Шок у парня; правда, легкий.

— Вот и ответь мне: кто я?

— Вы, сир, дон Франциск де Фуа по прозванию Фебус, суверенный принц-виконт Беарна, принцпе* Вианы и Андорры, инфант* короны Наварры, пэр* и племянник руа* франков.

ГЛОССАРИЙ

Авгур — в Древнем Риме жрец, дававший предсказания по внутренностям и полету птиц.

Авось — бог случая и удачи в славянской мифологии.

агностик — человек, который не верит ничему, что не может быть подтверждено органами чувств, и который считает, что доказать существование или несуществование Бога невозможно.

алава — одна из трех провинций в современной Стране Басков, Испания.

алебарда — гибрид пики и топора XIV — XVIII вв. с длинным пером по оси древка длиной от 150 до 200 см. Топор мог иметь самую разнообразную форму и часто — длинный шип или крюк на обухе для стаскивания всадника с седла. Нижняя часть древка имела заостренный подток (пятку).

алеманы — германский союз племен. Позже стали известны под именем швабов.

андалузская порода лошадей — порода из Испании, пользовавшаяся всемирной славой в XVI — XVIII вв. Андалузские лошади стояли в конюшнях практически всех европейских монархов и многих вельмож. Этих лошадей считали лучшими «для парада и для войны». В те времена значение этой породы для мирового коневодства было сопоставимо со значением чистокровной верховой породы в поздние эпохи.

апанаж (*фр.* *apanage* — удел, от *позднелат.* *апапо* — «снабжаю хлебом») — земельные владения или доходы с них, которые передавались члену королевской семьи во вре-

менное владение, переходящее в случае его смерти обратно государству.

арбалет (*др.-русск.* — самострел) — известный еще с Древней Греции механический лук. Состоял из ложа с желобом для болтов и спусковым механизмом, металлических плеч и натяжного устройства. Последнее бывало трех видов: 1) «козья нога», носившаяся на поясе; 2) зубчато-реечный механизм с воротом; 3) блочное натяжное устройство. Усложнение взвода тетивы повышало мощность натяжения арбалета, соответственно — дальность полета и пробиваемость болтов.

аркебузир — пеший воин, вооруженный *аркебузой*. Конные аркебузиры появились в Италии в 1496 г., во Франции — в XVI в.

аркебуз — вид арбалета, стреляющего круглыми пулями.

аркебуза — гладкоствольное дульнозарядное фитильное ружье. Изобретено в 1379 г. в Германии. В XV в. аркебуза трансформировалась в ручное огнестрельное оружие. Калибр ок. 20 мм. Приклад узкий, изогнутый, при стрельбе брали подмышку.

армет, или *армэ*, — рыцарский шлем XV — XVI вв. В отличие от *гранд-бацинета*, в армете *бугивер* из двух раскрывающихся лицевых половинок составлял единое целое с остальными частями шлема. В закрытом положении фиксировались штифтом на подбородке. Позже бугивер стал единственным и присоединялся к височным частям шлема, что позволяло откидывать его как забрало. Нижняя часть бугивера крепилась ремнем с ронделем к затылочной части шлема. Почти всегда армет опирался на плечи и не позволял поворачивать голову, однако этот шлем мог иметь *бармицу* и не крепиться к кирасе. Вариантов этого шлема — множество.

атеист — человек, верящий в то, что Бога нет.

ауспиции — в Древнем Риме гадания по наблюдениям за полетом и криком птиц с целью узнать «волю богов».

бакалавр (*фр.* *chevalier bachelor* — башелье, *англ.* *knight bachelor* — башилор, от *позднелат.* *baccalarius* — вассал вассала, от *baccalaria* — поместье) — низшая степень рыцарства. Частный титул человека, посвященного в рыцари, но не вхо-

дящего в духовно-рыцарские ордена. Бакалавры имели право сражаться только под чужими знаменами, где бакалавр командовал *копьем*. Отличительный знак — золотые шпоры и длинные заостренные косицы вымпела на копье.

баклер — кулачный щит. Использовался пехотинцами. Часто имел вместо *умбона* длинный шип, которым можно было атаковать как кинжалом.

банда (*ит.* banda, *фр.* bande) — 1) военная и территориально-административная единица Византийской империи, составлявшая 200 — 400 воинов пехоты или 50 — 100 конников. Каждой бандой командовал комит. Объединение пяти — семи банд образовывало турму, основное воинское подразделение византийской фемной системы; 2) в Средние века — отряд наемного войска, самостоятельный или как часть *компании* (роты). Свое нынешнее значение получило от банд *ландскнехтов*, склонных к грабежам мирного населения.

банко — мебель менялы: стол со скамейкой, похожий на школьную парту. От нее произошло современное слово «банк».

баннера — знамя. Слово восходит к *позднелат.* слову *banneretus*.

баннерет — рыцарь (не всегда, бывали и оруженосцы-баннереты), имеющий право вести в бой группу конных воинов под знаменем с изображением его собственных геральдических символов. Знамя баннеретов — баннёра — имело квадратную форму, чтобы его можно было легко отличить от сужающихся на конце вымпелов рыцарей-бакалавров. Кроме того, им позволялось использовать фигуры *щитодержцев* в своем гербе. Рыцарь-баннерет стоял в феодальной иерархии выше по званию, чем рыцарь-бакалавр (башелье), но ниже, чем барон. В отличие от барона баннерет не являлся дворянским титулом, но был пожизненным рыцарским званием. Армий с постоянным составом во времена рыцарства не существовало, военная служба неслась от случая к случаю как вассальное обязательство по мере ее необходимости у сеньора. Служба могла нестись как лично, так и/или с небольшим самостоятельно набранным военным отрядом. Эта социальная роль рыцарей была ключевой: сюзерен, ко-

торый не мог положиться на нее, рисковал остаться без отобризованной армии в случае объявления войны. Альтернативой было замещение рыцарского сословия наемниками в качестве основы вооруженных сил: кондотьерами, рейтарами или ландскнехтами, но они часто оказывались дорогостоящими и ненадежными, не говоря уже о возможности перекупки их противником за *большие* деньги, частых случаях дезертирства и мародерства в свою пользу. Титул баннерета, с правом демонстрации личного знамени, даровался за отличия, проявленные им лично на поле боя ритуалом отрезания косиц от рыцарского вымпела.

барбют — он же «венецианский салат». Шлем XV — сер. XVI в. Творчески переработанная версия спартанского шлема античности. Боевой шлем закрывал всю голову до плеч, кроме Y- или T-образного выреза в лицевой части. Не препятствовал обзору, дыханию и движению головы.

бармица — кольчужное, реже — ламеллярное, ожерелье, крепящееся на скобы к нижней части шлема. Элемент защиты горла, шеи, верхней части груди и спины. Иногда бармица использовалась для защиты лица в виде кольчатой личины.

барон (*позднелат.* *barus* с первонач. значением — слуга) — частный титул владельца баронии. В баронию входило не менее трех рыцарских/дворянских ленов. Баронии не могли свободно продаваться без разрешения монарха. Барон — крупный владетельный сеньор, изначально непосредственный вассал короля/императора, позднее просто почетный дворянский титул. Дети виконтов и младшие сыновья графов носили титул барона без баронии. В Германии бароны с аллодиальным имением назывались фрейгерами (*нем.* *Freiherren* — свободный господин). В Священной Римской империи германской нации все рыцарские семьи с префиксом «фон» или «цу» были признаны баронами, как бы они ни назывались. Сыновья и дочери баронов в Германии носили титул барона и баронессы. В Южной Италии титул барона был введен норманнами в XI в., и первоначально барония должна была состоять минимум из двух поместий. В Северной Италии этот титул ввели лангобарды несколькими сто-

летиями позже. В Испании в благородной иерархии барон стоит ниже виконта, но выше титула сеньор (сьер).

бастард — полуторный седельный меч XV — XVII вв. с прямым обоюдоострым клинком от 90 до 110 см. Название свое получил оттого, что его возили прикрепленным к седлу коня, а не носили на теле рыцаря.

бацинет — открытый шлем нач. XIII — XVI вв. Использовался вместо *хауберга*, носимого под *горшковым шлемом*. Защита лица ограничивалась *наносником* и *бармицей*. Крепился к голове подбородочным ремнем. Поздние модификации имели очень широкий отстегивающийся наносник. В XIV в. наносник эволюционирует в вытянутое вперед конусовидное забрало «собачья морда». Забрало крепилось: 1) к лобной части бацинета на один шарнир и ремнем за затылочную часть шлема — этот способ позволял откидывать или отстегивать забрало, которое могло полностью сниматься и не мешать одеванию горшкового шлема; 2) к височным частям шлема. Позднее этот шлем эволюционировал в *гранд-бацинет*.

башелье — французское название *бакалавра*. Рыцарь нижней ступени, однощитовой рыцарь. В течение Столетней войны XIV — XV вв. появились богатые и потомственные башелье. К XVI в. все низшее дворянство и рыцарство во Франции объединилось в титуле *шевалье*. См. *Бакалавр*.

белый доспех — с кон. XIV в. не покрытые краской и не вороненные доспехи. Характерными чертами были латная юбка без набедренных щитков и кираса. Со временем эволюционировал в миланские доспехи. Имел меньшую гибкость и степень свободы, но большую надежность, чем крупнопластинчатая бригантина. Использовался со шлемом *гранд-бацинет* и *латными рукавицами*.

бодигард — телохранитель. Буквально — стража тела (англ.).

болт, бельт — арбалетная стрела.

бригантина, бриганта — доспех XIII — XVII вв. из стальных пластин на кожаной или тканевой основе с перекрыванием пластинами краев друг друга. Бригантина с латной защитой конечностей составляла латно-бригантинный доспех. Также существовал кольчужно-бригантинный, шинно-бри-

гантинный и полный бригантинный доспех. Три основных вида бригантин: 1) классическая, использовалась рыцарями в XIII — середине XIV в. После — ополченцами и наемниками. Изготавливалась из мелких пластин. Часто производилась в безразмерном варианте с подгонкой ремнями на спине и плечах. Могла иметь кольчужную юбку; 2) крупнопластинчатая бригантина (*корацина*) использовалась рыцарями с начала XIV до начала XV в. Изготавливалась точно по фигуре. Имела разъемный нагрудник и отдельные пластины, защищающие спину. Застегивалась ремнями на груди и плечах. Юбка ламинарной конструкции. Иногда задние сегменты юбки отсутствовали для удобства сидения в седле. Поздние экземпляры корацины состояли из двух нагрудных пластин, двух пластин, защищающих живот, четырех боковых и двух спинных. С появлением кирасы корацина исчезла из обращения из-за высокой стоимости; 3) бригантина с пластроном использовалась с середины XIV в. Изготавливалась путем приклепывания к классической бригантине кованого нагрудника (пластрона). Застегивалась ремнями на спине. Часто бригантины состоятельных людей покрывались снаружи дорогими тканями и проклепывались золотыми кнопками.

брэ — нижнее мужское белье по типу «семейных» трусов длиной ниже колен.

бугивер — деталь доспехов, защищающая подбородок и шею. Был как подвижным, так и жестко закрепленным к шлему или *горжету*.

бугурт — рыцарский турнир, в ходе которого две группы рыцарей, вооруженных затупленным оружием, сражались отряд на отряд свалкой.

ваганты (от *лат.* *clerici vagantes* — странствующие клирики) — 1) в XI — XV вв. в католической Европе — бродячие певцы, способные к сочинительству и исполнению песен или сказаний, часто были духовного звания. Их песенное творчество в концепции любви и образе возлюбленной, совершенно лишено типичных для лирики трубадуров и миннезингеров феодальных отношений (куртуазное служение даме и т.п.), зато воспевается земная радость плотского на-

слаждения; грубое описание нагого женского тела; 2) студенческие товарищества или отдельные школяры, переходившие из одного университета в другой.

валет (*фр.* valet от *ст.-фр.* vaslet, от *галло-романского* vassellittus, от *кельтского* vasselet — уменьшительное от *лат.* vassallus, от vassus — слуга) — в Средние века обозначение младших придворных и таких специалистов, как художники или поэты при королевском дворе, но чаще — камердинеры, ответственные за одежду и личные вещи сеньора. В рыцарской иерархии валет стоит выше пажа, но ниже *оруженосца*.

варяги — то же что и викинги, только с южных берегов Балтийского моря, которые в раннем Средневековье были заселены славянами, данами, пруссами, курлами, эстами, куршами и ижорой.

варяжский язык — язык, на котором говорят варяги. В данной книге — авторский произвол.

Варяжское море — Балтийское море.

валийцы — лучники, принесшие английской армии славу в Столетней войне; традиционно набирались в Уэльсе.

вассал (*лат.* Vassallus, Vassus), иначе ленник, феодал, помещик — лицо, обязанное сеньору личной верностью и службой, за что вассал получал в личное или наследственное пользование землю (лен, фьеф, феодал, поместье) или ренту. Главной обязанностью вассала было несение за свой счет военной службы в течение определенного срока (во Франции с конца XI в. и в Англии с начала XII в. — 40 дней в году, на Руси — год через год), дольше вассал служил за плату от сеньора. Кроме того, вассал должен был участвовать в суде и совете (курии, хунте) сеньора, содержать в известных случаях господина и его свиту и нести некоторые платежи экстраординарного характера, прежде всего помощь (auxilium) для выкупа сеньора из плена, его свадьбы и пр. Сеньор, со своей стороны, был обязан кроме передачи земли защищать личность вассала и его имущество. Вассальная зависимость не ущемляла личной свободы лица, отдавшегося под покровительство. Договор о вассалитете был выгоден для обеих сторон и оформлялся особым торжественным обрядом — *оммажем*, сопровождался клятвой верности (foi) вассала сеньору. Неисполнение обязанностей со стороны вассала или сеньо-

ра влекло за собой расторжение договора и нередко — феодальную войну. Вассал вассала не являлся вассалом сеньора.

вассалитет — система отношений личной зависимости одних феодалов от других.

вассало (*ит.* Vassallo) — помещик, вассал. Низший дворянский титул в итальянских государствах. Равный русскому титулу «сын боярский» или французскому шевалье.

вассальные мурманы — норманнские поселения на побережье Биаррица с 840 г., вассальные наваррским королям, затем французским. Многие из норманнов осели в этой местности, занимаясь китобойным промыслом. Жили своими общинами и законами, им даже запрещали жениться на местных женщинах. Их обособленная община просуществовала до конца XIX в., после чего потомки викингов окончательно ассимилировались с местным населением.

видам (*фр.* vidame) — в феодальной Франции и Германии светский наместник епископа. Первоначально видамы занимали должность епископских экономов и управляющих имениями, но постепенно приобрели более самостоятельное положение и впоследствии, сохранив свой первоначальный титул, сделались наследственными владельцами и собственниками тех самых имений, которыми лишь заведовали. В феодальной иерархии видамы приравниваются к *виконтам*.

викарий (*лат.* vicarius — заместитель) — в католицизме несколько видов викариев: 1) Апостольский викарий (*лат.* vicarius apostolicus) — епископ или священник, назначаемый Святым Престолом для управления *апостольским викариатом*; 2) Генеральный викарий (*лат.* vicarius generalis) — представитель епархиального епископа в области общего управления; 3) Епископский викарий (*лат.* vicarius episcopalis) — представитель епархиального епископа в области управления; 4) Окружной викарий (декан), выполняющий административные и пастырские функции по координации деятельности приходов в определенной части епархии — деканате; 5) Приходской викарий (*лат.* vicarius parocialis) — священник, назначаемый в помощь настоятелю в осуществлении пастырского служения во всем приходе, в определенной его части или для некоторой группы прихожан, или для

несения определенного служения сразу в нескольких приходах. В приходе может быть назначено несколько vikariev. Назначается епархиальным епископом и обязан замещать приходского настоятеля в его отсутствие; 6) Судебный vikarий — судья в епархиальном церковном суде, назначается епископом, составляет единый суд вместе с епископом; не может рассматривать дела, которые епископ оставил за собой; 7) Папы римские называли себя vikarиями Христа на земле.

виконт (*фр.* vicomte от *лат.* vice comes, букв. — заместитель графа) — титул европейского дворянства, средний между бароном и графом. Изначально чиновник — заместитель графа на определенной территории графства, затем феодальный наследственный владетель виконства, позже — почетный дворянский титул. Так же титулуют старших сыновей графа при его жизни. В немецком и русском дворянстве титул виконта отсутствует, аналогом можно назвать лишь титул бургграфа. Однако в раннем Средневековье существовал титул вицеграфа. В испанском королевстве титулом виконта стали награждать с середины XVII в.

виллан (от *лат.* villanus — сельский житель) — категория феодально-зависимого крестьянства в Англии, Франции, Германии, Италии и Испании в Средневековье. Отличались от сервов, как крепостные крестьяне от холопов на Руси. Имели право перехода от одного сеньора к другому, свободу брака и наследования имущества.

вицеграф (*нем.* Vizegraf от Vize — заместитель + граф) — в русской традиции этот частный немецкий титул переводится как *виконт*. В феодальной иерархии стоит выше барона, но ниже графа. См. *Виконт*.

вицеконде (*исп.* vice conde) — частный титул испанского дворянства, равный титулу виконта в русской литературной традиции. Выше барона, но ниже графа (*исп.* conde). См. *Виконт*.

вице-король — см. *Вице-рой*.

вице-рой (*нем.* Vicekönig, *фр.* и *исп.* vice-roi, *англ.* vice-roy) — вице-король: должность и ненаследуемый титул, в некоторых государствах присваивался высшим представителям королевской власти во владениях, лежащих за преде-

лами метрополии. Так, Христофору Колумбу дан был титул вице-короля открытых им земель. Вице-королями назывались правители португальских владений в Индии (Васко да Гама), в Англии — правитель Индии. При династии Штауфенов в Римской империи существовали титулы вице-королей: ректора Бургундии и викария Италии.

Волос, Велес (он же «волохатый» — волосатый) — сын Сварога. Бог жизненной силы и плодородия, «скотий» бог, бог полей, растений и урожая у древних славян. Его ипостась в христианстве — святой Власий.

Ганза — торговый союз германских и польских городов для монополизации торговли на Балтике. Имел собственный военный флот.

гаск — житель Гаскони, гасконец. Народность, родственная баскам.

генерал (*нем.* General, от *лат.* generalis — общий, объединяющий) — термин появился в Средние века во Франции и Испании в виде прибавки к другим званиям (капитан-генерал, колонель-генерал, сержант-генерал), с XVI в. — особый чин. Германия и Австрия заимствовали его в нач. XVII в.

генерал-лейтенант (*фр.* general — общий + lieutenant — держать место, заместитель) — во Франции XV — XVIII вв. генерал-лейтенантом называли должность наместника короля в провинциях, к примеру: генерал-лейтенант Гаскони; в XVII — XVIII вв. эта должность стала почетной наследственной привилегией отдельных аристократических фамилий. Эпизодически короли использовали звание генерал-лейтенанта французского королевства как временного заместителя короля, которое сменило звание королевского лейтенанта. В армии генерал-лейтенант означал заместителя командующего — генерала на поле боя. Эволюционировал в воинское звание в XVII в.

генерал-капитан (капитан-генерал) — с XIV в. высший воинский чин во многих армиях Европы, обозначение командующего всей армией на поле боя. Впервые это звание встречается в Венеции с 1370 г., где он был командующим флотом республики. В Испании чин капитан-генерал появился в середине XV в. как в армии, так и на флоте, оставал-

ся высшим воинским званием до XVIII в. В Англии впервые пожалован в 1520-х гг. королевой-регентом Екатериной Арагонской и присваивался до середины XIX в. королям Англии как верховным главнокомандующим вооруженных сил страны. Впервые звание капитан появилось в Средние века во Франции, где так называли начальников отдельных военных округов; с 1558 г. капитанами стали называть командиров рот, а начальников военных округов — генерал-капитанами. В XVI — XVIII вв. генерал-капитан занимал промежуточное положение между чинами генерал-лейтенант и маршал Франции. В 1508 — 1762 гг. капитан-генерал возглавляет сухопутные вооруженные силы Португалии, в XVII — XVIII вв. — португальский военный флот.

генерал-сержант-майор (*фр.* sergent-major-general) — в Средние века общий помощник генерала (генерал-капитана, главнокомандующего), командир армейской пехоты в бою и заместитель командующего по личному составу. Эволюционировал в звание генерал-майор.

герб (*польск.* herb от *нем.* Erbe — наследство) — передаваемый по наследству отличительный знак. Щит, на котором изображаются предметы, символизирующие владельца герба — человека, сословие, род, город, страну и т.п.

Герника — духовная столица басков.

герольд (от *лат.* heraldus — глашатай) — глашатай, вестник, церемониймейстер при дворах крупных феодалов; распорядитель на торжествах, судья на турнире (страж турнира): подавал знак к его началу и мог остановить слишком ожесточенный бой. Герольд должен хорошо знать генеалогию благородных семейств, чьи представители принимали участие в боях, и уметь распознавать гербы рыцарей, съехавшихся на турнир. Также ведал составлением гербов и родословий. На них возлагали объявление войны или мира, предложение сдачи крепости, подсчет убитых и раненых после битвы и оценку доблести рыцарей, возвешение о каком-либо распоряжении правительства и т.п.; они обязаны присутствовать при всех торжественных церемониях: коронации или погребении государя, возведении в рыцарское достоинство, торжественных приемах и проч.; труд герольдов оплачивался очень хорошо, к тому же отпустить

присланного герольда без подарка считалось как бы неуважением к приславленному его государю. Там, где было несколько герольдов, старший над ними носил звание оружейного короля. Каждое государство делилось на несколько геральдических марок, бывших под наблюдением одного оружейного короля и нескольких герольдов с персеванами (к примеру, Франция в 1396 г. делилась на 18 таких марок).

герсы, они же герса или герс (от *фр.* herse) — в замковой фортификации: опускная решетка для крепостных ворот, изготовленная из массивных металлических или деревянных деталей, заостренных внизу.

герцог (*нем.* Herzog) — *фр.* duc (дюк), *англ.* duke (дюк), *итал.* duca (дука, дуче, дож), *исп.* ducado (дуке) — происходящие от *лат.* слова *dux* (всякий полководец на суше и на море в Римской империи, а со времен императора Диоклетиана — главный военный начальник в провинциях), которых русская литературная традиция называет одинаково — герцог. У древних германцев герцог — избираемый военный предводитель; в период раннего Средневековья — племенной вождь, в период феодальной раздробленности — крупный владетель, занимающий первое место в военно-ленной иерархии после монарха. Во Франкском государстве герцоги превращены в должностных лиц короля, которым подчинялись правители отдельных областей — *графы*. Карл Великий (768 — 814) в борьбе с племенным сепаратизмом упразднил герцогскую власть, но после его смерти она возродилась во Франции, Италии и Германии, где с ростом политической раздробленности герцогствами стали называться многие вновь образовавшиеся государства. Во Франции с ликвидацией феодальной разобщенности и утверждением абсолютизма королевской власти слово «герцог» (*duc*) стало просто высшим дворянским титулом. В скандинавских странах, Англии и Пиренейских государствах, где не существовало племенных герцогств, этот титул присваивался представителям высшей знати, прежде всего членам королевской фамилии и родственникам ей семейств. В Англии герцоги составляют второй разряд принцев, следующий непосредственно за принцами королевской крови, перед маркизами. Австрия, чтобы отличать принцев и принцесс императорской крови

от простых герцогов, ввела в 1453 г. титул эрцгерцога. Великие герцоги Германии обрели предикат «Его Королевское Высочество». В Российской империи титул герцога считался равнозначным титулу князя. Титул герцога Ижорского носил Александр Меншиков. В Германии герцоги равны принцам, но во Франции *duc* ниже по рангу, чем *prince*.

гидальго — см. *Идальго*.

гитанос (*исп. somos gitanos* — мы цыгане) — испанские цыгане, большая часть которых проживают сегодня в Андалусии. Создали в XV в. стиль фламенко.

горжет — элемент защиты горла, шеи, верхней части груди и спины. Горжеты бывали двух видов: 1) кожаные, покрытые стальными пластинами и служившие только для защиты; 2) стальные, к которым пристегивали элементы лат (наплечники и др.). Горжеты одевались на/под кирасу. Впоследствии выродились в декоративный знак различия офицеров.

горшковый шлем — закрытый шлем, «ведро», начало XIII в. По форме цилиндрический или горшкообразный. Поздняя модификация имела остrokонечную верхушку и называлась сахарной головой. Турнирная модификация — жабья голова. Шлем имел на лицевой части две прорези. Ниже могли сверлиться отверстия для вентиляции. Шлем одевался поверх *хауберга* и толстой шапки, опирался на плечи носившего, что вместе с шапкой защищало от сотрясения мозга при ударах по голове. Имел плохой обзор, не мог жестко фиксироваться относительно головы. После копейного удара часто снимался. С XIV в. использовался только на турнирах.

готический доспех — полный рыцарский доспех с середины XV до начала XVI в. Отличался большой гибкостью и свободой движений за счет некоторого снижения уровня защиты. Как правило, имел сильное гофрирование и рифление металлических пластин, позволяющее увеличить прочность и уменьшить вес *лат*. Часто использовался вместе со шлемом типа *салад*, или *бугивер*, стальными перчатками. Характерные черты — углы и резкие линии. Минимальная дополнительная защита, часто вообще никакое дополнительное бронирование не использовалось.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Кто я?	5
<i>Глава 2.</i> Где я?	29
<i>Глава 3.</i> Скаутский поход по вражеским тылам	45
<i>Глава 4.</i> Кожаная флейта	55
<i>Глава 5.</i> Лесные дороги Анжу	90
<i>Глава 6.</i> Речной круиз	111
<i>Глава 7.</i> Эхо Столетней войны	135
<i>Глава 8.</i> Вниз по матушке Луаре	166
<i>Глава 9.</i> Благословенная Бретань	180
<i>Глава 10.</i> Разводка кроликов	200
<i>Глава 11.</i> Несостоявшийся прогресс	218
<i>Глава 12.</i> Дела семейные	234
Глоссарий	255